

Два взгляда на историю: Россия и Дания — сравнительный анализ школьных учебников

Краткое резюме

Сравнительный анализ десяти школьных учебников истории — пяти российских и пяти датских — обнажает принципиально разные модели отношений между государством и образованием. В России система перешла от «хаоса изобилия» 1990-х годов к максимально централизованной конструкции: с 1 сентября 2023 года для 10–11 классов введён единый обязательный учебник под редакцией Владимира Мединского и Анатолия Торкунова, а с сентября 2025 года единые учебники охватывают все классы с 5-го по 11-й. Этот учебник написан за пять месяцев, впервые в истории содержит главу о продолжающейся войне и заканчивается словами: «Век XXI должен стать веком новой, возрождённой России». В Дании государство финансирует образование, устанавливает рамочные компетентностные цели и перечень из 30 обязательных канонических сюжетов — но не предписывает ни конкретных учебников, ни единственно правильных интерпретаций. На рынке конкурируют издательства Alinea, Gyldendal и Systime, а учитель сам выбирает материалы и методику.

Различие не исчерпывается педагогической техникой. За ним стоит разная антропология: разные образы того, кем должен стать ребёнок, окончив школу. Российские учебники открыто заявляют о своей цели: «Главным результатом изучения курса должно стать формирование у учащихся российской гражданской идентичности и патриотизма». Под этим патриотизмом понимается не критическая гражданская позиция, а безусловная гордость за государство и его нынешних руководителей — в учебнике Мединского Путин упоминается похвально в 18 отдельных фрагментах, тогда как страницы о сталинских репрессиях сократились с 4 до 1,5. Датский *Fælles Mål* (Общие цели) ставит иную задачу: «историческое сознание и идентичность как предпосылка для жизни в демократическом обществе». Ученик должен уметь читать источники критически, конструировать контрнарративы и задавать неудобные вопросы.

Вместе с тем важно не идеализировать датскую систему. Канон 2009 года, введённый министром Бертелем Харде, был проанализирован исследователем [Клаусом Хаасом](#) как попытка «ренационализации» идентичности в ответ на рост культурного многообразия. Датские учебники демонстрируют «колониальную афазию»: ученики знают, что Дания торговала людьми и владела колониями, но эти знания не активируются в публичном дискурсе. Самопрезентация Дании как «спасительницы евреев» в 1943 году вытесняет из памяти более сложные истории — включая 499 датских евреев, всё же оказавшихся в концентрационных лагерях, и депортацию 21 беженца. Нордический исключительнизм существует, пусть и в мягкой либеральной форме.

Тем не менее различие остаётся кардинальным — не в том, есть ли идеология в учебнике (она есть везде), а в том, кто её производит, насколько она монолитна, и что она делает с мышлением ребёнка. Российская система устроена так, что любое сомнение в официальном нарративе кажется изменой. Датская — так, что сомнение является учебной целью. Это не просто педагогическое различие. Это различие в политическом режиме, воспроизводящее само себя через каждое поколение.

Методология анализа

Данный отчёт применяет многоуровневую методологию, сочетающую несколько взаимодополняющих аналитических рамок.

Критический дискурс-анализ (CDA) по Фэрклафу

Критический дискурс-анализ рассматривает учебный текст на трёх уровнях одновременно: уровне самого текста (лексические выборы, синтаксис, пассивный залог, номинализации), уровне дискурсивной практики (кто производит текст, как он распространяется, как читается) и уровне социокультурной практики (в каком политическом контексте текст функционирует). Применительно к учебникам это означает анализ того, кто является грамматическим субъектом действия («Россия защитила» vs. «народы были депортированы»), какие слова выбраны для обозначения ключевых событий («специальная военная операция» vs. «вторжение», «возвращение Крыма» vs. «аннексия»), и что намеренно опущено из текста.

Методология Института Георга Экерта и ЮНЕСКО

Институт Георга Экерта — ведущее мировое учреждение по сравнительному анализу учебников — применяет постраничный анализ с фиксацией каждого упоминания «Другого» и каждого умолчания. Рекомендации ЮНЕСКО задают нормативную рамку: анализируется насилие и подстрекательство к нему, ненависть и нетерпимость, образы мира и ненасильственного урегулирования конфликтов, конструирование «своих» и «чужих».

Рамка Стюарта Фостера

Фостер предложил пять аналитических измерений, ставших стандартом сравнительного учебниковедения: **отбор** (что включено, что нет), **акценты** (сколько пространства отдано той или иной теме), **интерпретативная рамка** (через какую призму объясняются события), **голос и агентность** (чья перспектива доминирует), **спорное знание** (признаются ли альтернативные интерпретации).

Десять аналитических измерений

В настоящем отчёте применяется расширенная система из десяти измерений:

№	Измерение	Ключевые вопросы
1	Агентность	Кто действует в истории — государство, народ, индивид?
2	Легитимация	Как власть обосновывает свои решения?
3	Эмоциональный регистр	Какие чувства текст призван вызвать?
4	Умолчания	Что намеренно отсутствует?
5	Герои и злодеи	Кто конструируется как положительный/отрицательный персонаж?
6	Самокритика	Способна ли система признавать ошибки государства?
7	Множественность	Представлены ли альтернативные интерпретации?
8	Рамка войны	Как описываются вооружённые конфликты?
9	Конструирование врага	Существует ли устойчивый образ «другого»?

№	Измерение	Ключевые вопросы
10	Привязка к современности	Как прошлое связывается с актуальной политикой?

Исследуемые учебники

Российские учебники (2024–2026)

Название	Авторы	Класс	Охватываемый период	Статус
<u>«Всеобщая история. История Древнего мира»</u>	Вигасин А. А., Годер Г. И., Свенцицкая И. С. / под ред. Искендерова А. А.	5-й	Первобытность — падение Рима (до V в. н.э.)	Обязательный
<u>«Всеобщая история. История Средних веков»</u>	Агибалова Е. В., Донской Г. М. / под ред. Сванидзе А. А.	6-й	V–XV вв.	Обязательный
<u>«История России. XVI — конец XVII в.»</u>	Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Курукин И. В. и др. / под ред. Торкунова А. В.	7-й	XVI–XVII вв.	Обязательный
<u>«История России. 1914–1945 годы»</u>	Мединский В. Р., Торкунов А. В.	10-й	1914–1945 гг.	Единый обязательный с 2023
<u>«История России. 1945 — начало XXI века»</u>	Мединский В. Р., Торкунов А. В.	11-й	1945 — начало 2020-х	Единый обязательный с 01.09.2023

Датские учебники (2024–2026)

Название	Издательство / Авторы	Класс	Охватываемый период	Статус
<i><u>På sporet af historien</u></i>	Alinea (Olsen & Lumholtz и др.)	3–6-й (9–12 лет)	Первобытность — XIX в. (по каноническим сюжетам)	По выбору школы
<i><u>Historie 3–6 Fagportal</u></i>	Gyldendal Uddannelse	3–6-й	Эпоха викингов, Средневековье, Новое время	По выбору школы
<i><u>Historie 7–9</u></i>	Grubb, Poulsen, Jensen, Hall и др.	7–9-й	1789 — настоящее время	По выбору школы
<i><u>Grundbog til Danmarkshistorien</u></i> (3-е изд., 2022)	Frederiksen, Olsen, Søndberg, Jensen	Гимназия (STX)	Древность — настоящее время	По выбору школы
<i><u>Danmark i Europa</u></i> (2021)	Systime (проблемно-ориентированный учебник)	Гимназия (STX)	Эпоха викингов — настоящее время	По выбору школы

Глубокий сравнительный анализ

1. Кто управляет нарративом: архитектура контроля

Структурное различие между двумя системами — это не просто разный контент учебников. Это разные модели государственной власти над формированием реальности.

В России инициатива создания единого учебника исходила лично от президента Путина: в апреле 2013 года он заявил, что молодые люди «не понимают, в какой стране живут». В 2022–2023 годах, после начала полномасштабного вторжения в Украину, процесс унификации резко ускорился. Результат — единственный обязательный учебник, написанный за пять месяцев человеком без историко-научных степеней (Мединский — кандидат политических наук, чья диссертация была признана рядом учёных антинаучной), изданный в государственном издательстве «Просвещение» и введённый в оборот одновременно для всех школ страны, включая оккупированные украинские территории. [Amnesty International](#) назвала это «циничной попыткой искоренить украинскую культуру и самобытность».

В мае 2024 года Путин подписал Указ № 314 «Основы государственной политики в области исторического просвещения», законодательно закрепляющий единый педагогический подход от детского сада до выпускного класса. [Jason Institute](#) документирует, что учителям распределяются методические пособия с готовыми ответами на «трудные вопросы», их поведение мониторится во время классных часов, депутаты наблюдают за уроками для обеспечения соответствия. Тот же акт увеличил количество часов истории за счёт сокращения часов граждановедения — предмета, посвящённого конституционным основаниям и демократическим свободам.

В Дании государство финансирует образование и устанавливает рамочный документ *Fælles Mål* (Общие цели) — компетентностно-ориентированный стандарт, описывающий не что должен знать ученик, а что он должен уметь. Канон из 30 исторических сюжетов — единственный обязательный «контентный» элемент — фиксирует темы для освещения, но не интерпретации. Выбор учебника полностью остаётся за школой и учителем. На рынке конкурируют несколько издательств с разными педагогическими концепциями. Это различие — не техническое, а политическое: датская система институционализирует недоверие к государственному контролю над смыслами, российская — наоборот.

Академическое исследование [Огоновской \(2025, DOI: 10.24158/fik.2025.5.26\)](#) описывает три стадии эволюции российской учебниковой политики: либерализация 1990-х («хаос изобилия»), рецентрализация 2000-х и «единый учебник» 2010-х–2020-х. Эта последовательность демонстрирует системный «эффект храповика»: каждый политический кризис (1999, 2008, 2014, 2022) используется властью как повод для ужесточения контроля над историческим нарративом — и ни разу не происходит обратного движения.

2. Конструирование героев и злодеев

Российская модель: линейка от Рюрика до Путина

Российские учебники выстраивают непрерывную династическую линию положительных государственных деятелей: Рюрик → Владимир Креститель → Александр Невский → Иван III → Пётр I → Александр II → Сталин (амбивалентно, но как «победитель») → Путин. Эта линейка — не случайная: она конструирует образ государства, которое всегда находило великих лидеров в нужный момент и всегда выживало благодаря сильной власти.

Путин в учебнике Торкунова появляется в 18 хвалебных фрагментах. Вот конкретные формулировки: «Личное обаяние молодого, энергичного и широко образованного кандидата обеспечило ему уже в первом туре победу»; «Не разделяя общество на „своих" и „чужих"... он осуществил ряд мер, способствовавших объединению общества»; «Стал президентом, начал проводить независимую, активную, многовекторную внешнюю политику» (по анализу «Проекта»). Вокруг нынешнего президента создаётся нарратив исторической необходимости: Россия была разрушена в 1990-е, и лишь Путин её восстановил.

Сталин занимает особое место: амбивалентное, но всё более склоняющееся к реабилитации. Сохранение в учебнике понятия «Десять сталинских ударов» — возвращение советской официальной терминологии для обозначения десяти стратегических операций 1944 года — недвусмысленный сигнал. Репрессии признаются, но оправдываются: число страниц о Большом терроре сократилось с 4 до 1,5, слово «ГУЛАГ» перенесено из раздела о репрессиях в раздел об индустриализации, где описывается как «организация труда заключённых» («Проект», 2022). Горбачёв занимает место главного злодея современной истории: «Не понимал промышленности, армии, ВПК, внешней политики» — козёл отпущения, на которого возлагается ответственность за «катастрофу» распада СССР.

Датская модель: герои с оговорками

Датские учебники следуют 30 каноническим сюжетам, многие из которых — великие правители: Харальд Синеzubый, Маргарете I, Кристиан IV. Но педагогическая установка иная. Серия Gyldendal задаёт историческим фигурам вопросы, а не только передаёт их величие.

Кристиан IV — самый «любимый» датский король народной памяти — представлен через оба измерения своего правления: культурные достижения (замок Розенбург, торговые компании) и военные провалы (Кальмарская война, участие в Тридцатилетней войне). Ученики спрашивают: «Почему его грандиозные проекты провалились?» — это антиагиографический вопрос, которого нет в российских учебниках.

Показательна формулировка по Колумбу в канонической точке № 8: учебники *På sporet af historien* прямо указывают, что Колумб «часто называется „первооткрывателем Америки", хотя этот континент не был европейским открытием — там уже жили люди». Это небольшая фраза, но она структурно отличается от российского подхода: она обучает критическому отношению к самому понятию «открытие». В российских учебниках «Великие географические открытия» представлены без аналогичного деколонизационного комментария.

3. Как описываются войны и конфликты

Война — главный нарративный узел любого национального учебника истории, поскольку именно в войне создаются образы «себя» и «другого», жертвы и агрессора.

Российская рамка: страна-жертва и освободительница

Системный паттерн российских учебников — Россия никогда не является агрессором. Она либо защищается от вторжения (монголы, поляки в Смутное время, Наполеон, Гитлер), либо освобождает других (народы Европы в 1944–1945 годах). Каждый из этих нарративов имеет прямую проекцию на современность: учебник Мединского открыто выстраивает цепочку «Победа 1945 → СВО 2022», превращая нынешнюю войну в продолжение «Великой Отечественной».

Война в Афганистане описывается сдержанно, но без осуждения — «интернациональный долг». Война в Грузии (2008): «Проамериканский режим Саакашвили напал на Южную Осетию, связанную с Россией многовековой дружбой». Аннексия Крыма (2014) — «возвращение в родную гавань»: учебник содержит карты с четырьмя аннексированными украинскими регионами в составе России. СВО: «Защита Донбасса и предупредительное обеспечение безопасности России»; Украина — «ультранационалистическое государство», из которого «лепили анти-Россию»; «у России просто не было иного выбора».

По оценке [Deutsche Welle](#), учебник написан «не стремящейся к суховатому языку фактов научной речью, а скорее взволнованной агиткой, которая обращается больше не к историческим реалиям, а к эмоциям и чувствам».

Датская рамка: честный счёт поражений

Датские учебники описывают войны, в которых Дания проиграла, — как уроки, а не как унижения, требующие реванша. «Stormen på Dybbøl» (Штурм Дюббёля, 1864) — одна из 30 обязательных канонических точек. Поражение в войне с Пруссией и потеря трети территории страны представлены в *Historie 7* не как несправедливость, а как психологически значимый момент: «Какое значение имела эта война для взгляда датчан на самих себя и на Данию?» — вопрос, обращённый к рефлексии, а не к реваншизму.

Участие в Наполеоновских войнах — в том числе кошмарная бомбардировка Копенгагена британским флотом в 1807 году — характеризуется в *Grundbog til Danmarkshistorien* как «плохое решение», ввергнувшее страну в катастрофу. Это прямое признание ошибки правителей — формулировка, практически невозможная в российском государственном учебнике применительно к российским правителям.

Оккупация Дании Германией в 1940–1945 годах описывается через *samarbejdspolitik* (политику сотрудничества с оккупантами) — с нарастающей нюансировкой. Коллаборационизм датского правительства рассматривается не как героическое сопротивление и не как однозначное предательство, а как исторически сложное явление, требующее анализа. Это принципиально отличается от российского нарратива, в котором каждый «трудный вопрос» имеет predetermined ответ.

4. Самокритика: способность признавать ошибки

Самокритика — один из наиболее чувствительных показателей идеологической нагруженности учебника, поскольку она требует от системы признания, что государство причиняло вред собственным гражданам.

Россия: управляемое признание с оправданием

Российские учебники не могут полностью замолчать ГУЛАГ, голод 1932–1933 годов или депортации народов — слишком много живых свидетелей и документов. Однако механизм работы с этими темами специфичен: признание через переопределение.

«Организация труда заключённых» вместо «лагеря смерти». «Трагическая страница» депортаций кавказских народов — но с оговоркой, что часть из них «сотрудничала с оккупантами» (первоначальная формулировка учебника, изменённая лишь после вмешательства Рамзана Кадырова, согласно [«Московскому комсомольцу»](#)). Пакт Молотова–Риббентропа — не постыдная сделка с нацистской Германией, а «мирная передышка»: «СССР получал возможность укрепить обороноспособность». Коллективизация — «трагедия», но оправданная «задачами индустриализации и подготовки к войне».

Кризис 1956 года в Венгрии — показательный пример. МИД Венгрии прямо отреагировал на российский учебник: в нём венгерские революционеры 1956 года названы «мятежными радикалами» и «бывшими солдатами фашистской Венгрии», организованными западными спецслужбами. Министр Тамаш Менцер заявил: «В 1956 году венгерский народ восстал против коммунистической диктатуры — это ясный, недвусмысленный факт».

Дания: «колониальная афазия»

Датская самокритика устроена иначе — и имеет иные слепые пятна. Холокост и оккупация обсуждаются с нарастающей нюансировкой: коллаборационизм признаётся, спасение евреев в 1943 году не замалчивает факт, что 499 датских евреев всё же оказались в концентрационных лагерях.

Но колониализм остаётся зоной «афазии» — термин, введённый в академический оборот применительно к Дании: ученики знают факты (работорговля, Датская Западная Индия, Гренландия), но не могут их активировать в связном критическом нарративе. Канонический сюжет № 15 об отмене работорговли (1792/1848) обрамляет Данию как «морального пионера» — первую страну, запретившую работорговлю в 1792 году, — вместо того чтобы сосредоточиться на столетии торговли людьми, которое этому предшествовало. В *Grundbog til Danmarkshistorien* (3-е изд., 2022) глава о рабстве появляется в разделе «Эпоха абсолютизма» и посвящена прежде всего датским торговым компаниям, а не жизни и сопротивлению порабощённых людей.

Исследователь Мортен Литье (DOI: [10.52289/hej10.109](https://doi.org/10.52289/hej10.109)) показывает, что датские нарративы о Холокосте формируют «национальную предвзятость», представляя Данию «особенно демократической нацией», спасшей своих евреев, — что затрудняет понимание Холокоста как транснационального явления. «Это демонстрирует, что контраст между российскими и нордическими учебниками — не „идеология vs. отсутствие идеологии“, а разный тип, источник и механизм идеологического конструирования».

5. Роль государства и роль народа

Россия: государство как единственный субъект истории

Во всех российских учебниках, от 5 до 11 класса, история — это прежде всего история государства: его расширения, укрепления и защиты от врагов. Исторический процесс движется решениями великих правителей и военными победами, а не социальными движениями, гражданскими инициативами или низовой самоорганизацией.

Исключение — Великая Отечественная война, где народный героизм становится центральным нарративом. Но даже здесь он подчинён государственной рамке: народ-герой действует не вопреки государству, а вместе с ним и под его руководством. Параграф «Россия — страна героев» в учебнике 11 класса перечисляет по именам 18 бойцов СВО, описывая их подвиги: «подрывая себя вместе с врагом», «ведя бой в горящем танке». Это гибридная форма: государственный героический эпос, вставленный в учебник.

Народные протесты исчезают из нарратива или переосмысляются. Демонстрации 2011–2012 годов описаны так: «Массовые манифестации протеста породили ещё более массовые демонстрации в поддержку власти. Протесты консолидировали избирателей В. В. Путина». Гражданское общество, диссидентство, независимая журналистика — на периферии или вовсе отсутствуют. Народ — пассивный объект государственной политики, коллективно поддерживающий власть.

Дания: прогрессивная демократизация через агентность обычных людей

Датские учебники целенаправленно включают в историю агентность рядовых граждан. В *Historie 7* первая глава называется «Bondelandet» (Крестьянская страна) — она начинает изложение эпохи не с королей, а с жизни земледельцев и отмены крепостного права в 1788 году. Рабочее движение (канонический сюжет № 19 — «Battaglia på Fælleden», 1872), женское избирательное право (№ 21, 1915) — обязательные темы, помещающие обычных людей в центр исторического процесса.

Новый проект учебного плана 2025 года явно вводит *hverdagsliv* (повседневная жизнь) как отдельную содержательную область наравне с политической и культурной историей. Ученикам предлагается создавать собственные «контрнарративы» к устоявшимся историческим сюжетам — задание, структурно невозможное в российской системе, где, по словам историка Константина Пахалюка, «нам позвонили и предложили переписать параграф. После редакторской правки моя работа превратилась в патриотическую агитку».

6. Какие ценности транслируются ребёнку

Россия: патриотизм как подчинение

Официальная цель всех российских учебников старшей школы сформулирована идентично: «Главным результатом изучения курса должно стать формирование у учащихся российской гражданской идентичности и патриотизма». Сам Мединский в [интервью РБК \(30 января 2025\)](#) утверждает, что противоречивые высказывания в конце параграфов размещены намеренно для «дискуссии в классе». Однако «критическое мышление» в учебнике означает нечто специфическое: умение распознавать «манипуляции западных СМИ» — то есть закрытость к определённому классу информации, а не открытость к множеству интерпретаций.

Транслируемые ценности:

- **Государственный патриотизм** — безусловная гордость за государство как таковое, а не критическая гражданская позиция
- **Коллективизм** и верность «традиционным духовно-нравственным ценностям» (формулировка официальных аннотаций)
- **Подчинение авторитету** как признак зрелого гражданина: «централизация власти оправдана „недостаточной зрелостью гражданского общества“» (из учебника Мединского)
- **Антизападничество** как системная мировоззренческая рамка, а не позиция во внешней политике
- **Непрерывность власти:** от Рюрика через Романовых, СССР — к Путину

Дания: демократия как навык

Датский *Fælles Mål* ставит историческое образование на службу демократическому гражданству явно и декларативно: цель — «предпосылки для жизни в демократическом обществе». Три компетентностных области учебного плана — «Хронология и контекст», «Работа с источниками» (*kildearbejde*) и «Использование истории» (*historiebrug*) — все три направлены на выработку аналитических навыков, а не на трансляцию содержания.

Конкретные педагогические инструменты, закреплённые учебным планом:

- Контрфактические сценарии («что было бы, если бы...») — деконструируют историческую детерминизм
- Работа с первичными источниками с 3-го класса
- Создание контрнарративов к каноническим историям
- Открытые вопросы без правильного ответа
- Ученик сам выбирает тему для экзаменационного задания в 9-м классе

Исследование Хауэ (DOI: 10.17159/2223-0386/2018/n18a1) прослеживает трёхсотлетнюю траекторию датских учебников: от передачи добродетелей через рассказы-примеры (XVIII в.) — к аналитическому историческому сознанию (XXI в.). Это движение от сердца к мозгу, от предписаний к рефлексии.

7. Конструирование врага

Россия: Запад как экзистенциальная угроза

В учебнике 11 класса Запад системно конструируется как источник угроз, причём не ситуативно, а как устойчивый архетипический образ. Названия параграфов говорят сами за себя: «Давление на Россию со стороны США», «Противодействие стратегии Запада в отношении России», «Противостояние с Западом». Это не описание конфликтов — это мировоззренческая рамка, в которой весь смысл истории читается как противостояние.

Конкретные формулировки из учебника, задокументированные *Le Monde*: «Если бы Киев вступил в НАТО и спровоцировал военный конфликт в Крыму и на Донбассе — это мог бы быть конец человеческой цивилизации». Санкции: «абсолютно незаконные», «воровская лихость». *Jason Institute* систематизирует ключевые нарративы учебника: «западное окружение» (Россия вечно в осаде), «холодная война никогда не заканчивалась», «антинацизм» (СВО = продолжение Великой Отечественной). Образ врага — не отдельного государства, а целой цивилизации, угрожающей существованию российской.

Дания: отсутствие устойчивого врага

В датских учебниках устойчивого образа «врага» нет. Германия — страна, оккупировавшая Данию в 1940–1945 годах, — в послевоенных учебниках рассматривается как европейский партнёр, а германо-датский конфликт 1864 года — как исторический процесс, имевший причины по обе стороны. Глава о Ближнем Востоке в *Historie 9* называется «Israel og Palæstina» — само двойное название указывает на признание нескольких субъектов, а не на конструирование врага.

Когда в датских учебниках описываются войны, противник обычно получает исторический контекст. Мотивы и интересы сторон анализируются, а не просто морально квалифицируются. Это не означает релятивизм — нацизм в датских учебниках осуждается недвусмысленно. Но это другая аналитическая позиция: враг понимается в историческом контексте, а не конструируется как вечный архетип.

8. Работа с «трудными вопросами»

Россия: трудный вопрос с правильным ответом

Историко-культурный стандарт содержит специальный раздел «Трудные вопросы истории» — список острых дискуссионных тем: пакт Молотова–Риббентропа, сталинские репрессии, пакт Молотова–Риббентропа, Катынь, судьба народов, депортированных в годы войны. Это кажется признанием сложности — но на практике это иллюзия: у каждого «трудного вопроса» в учебнике есть predetermined ответ.

Катынь — разительный пример. Депутат Госдумы от КПРФ Николай Иванов заявил, что в учебник «попала геббельсовская версия о том, что расстрел 22 тысяч польских военнослужащих в Катыни — дело рук НКВД СССР». Это — ответ депутата на то, что учебник признал очевидный исторический факт. Депутат хотел его удалить. Что это говорит о пространстве «трудных вопросов» в российской системе?

Дания: открытый вопрос как педагогический инструмент

В датских учебниках трудный вопрос — это метод, а не проблема. Серия *Alinea På sporet af historien* применяет *kontrafaktiske hvad-nu-hvis-scenarier* (контрфактические сценарии «что было бы, если бы») с начальной школы: «Что было бы, если бы Дания не вступила в НАТО в 1949 году?»; «Что было бы, если бы Маргарете I не удалось создать Кальмарскую унию?». Эти вопросы не имеют правильного ответа — они обучают мышлению о причинно-следственных связях и исторической случайности.

Ученик в 9-м классе сам выбирает тему для экзаменационного задания — это структурная форма предоставления автономии. В *Danmark i Europa* каждая глава строится вокруг *problemstilling* (исторической проблемы), приглашающей к дискуссии. Исследователи Хаусбек и Хауэ (Nordidactica, 2023) фиксируют переход от «воспроизводящего классного обучения» к «студентоцентрированному тематическому анализу» как основной педагогический сдвиг датского образования с 1970-х годов.

Психологическое измерение: что формируется у ребёнка

Это ключевой раздел — потому что образование производит не только знания, но и определённые конфигурации субъектности.

Российская система: производство управляемого гражданина

Российская система в её нынешней форме конструирует специфический тип отношений между субъектом и историей. Ребёнок не является агентом исторического процесса — он его наследник и исполнитель. История уже завершена в правильной интерпретации; задача ученика — её усвоить. Любое сомнение в официальной версии маркируется как «фальсификация» или влияние враждебных источников.

Историк Константин Пахалюк, сам бывший автор параграфа в российском учебнике, формулирует это так: «Власть заинтересована в порождении исторических иллюзий... В этой картине мира человеку кажется, что он ничего не решает, что историю делают чиновники и власти, а ему остаётся подчиняться». Это точное описание того, что в психологии называется «выученной беспомощностью» — состоянием, при котором субъект перестаёт воспринимать свои действия как способные изменить ситуацию.

Психологические последствия такого образования многоуровневые:

- **Некритичное восприятие авторитетных источников** — учебник прямо учит не доверять «альтернативным» источникам, называя их «фейками» и «иностранными агентами»
- **Страх внешнего мира** — системный образ Запада как экзистенциальной угрозы формирует тревожную мировоззренческую рамку
- **Коллективизм без критики** — «традиционные ценности» описаны как неотъемлемые атрибуты «настоящего» гражданина, диссент — как патология
- **Слияние истории и современности** — учебник не разграничивает историческое прошлое и актуальную политику, что лишает ученика дистанции для критического суждения

Академическое исследование [Блакисруда \(DOI: 10.1017/nps.2022.11\)](https://doi.org/10.1017/nps.2022.11) прослеживает, как после 2014 года российская государственная политика идентичности сместилась от гражданского (*rossiiskii*) к этническому (*russkii*) определению нации. Учебник является ключевым механизмом этого сдвига. [Исследование Андреева \(2021\)](#) фиксирует, что 25–33% россиян считают историческое прошлое одним из главных факторов, объединяющих нацию и государство, — что свидетельствует об успехе образовательной политики в создании «спроса на единый исторический нарратив».

Датская система: автономный демократический субъект

Датская педагогическая цель противоположна: не передать правильную историю, а сформировать способность создавать и критиковать любой нарратив. «Историческое сознание и идентичность как предпосылка для жизни в демократическом обществе» — эта формулировка из *Fælles Mål* принципиально иная: история учит не лояльности государству, а лояльности методу.

Психологические корреляты такого образования:

- **Автономия суждения** — ученик привыкает к тому, что его мнение имеет вес и может быть обосновано
- **Толерантность к неопределённости** — открытые вопросы формируют способность жить без единственно правильного ответа
- **Демократическая субъектность** — понимание себя как агента истории, а не её пассивного получателя
- **Медиаграмотность** — работа с источниками с 3-го класса развивает инструменты верификации

Данные [PISA](#) по Дании показывают, что социоэкономический разрыв в образовательных достижениях ниже среднего по ОЭСР — что свидетельствует о том, что компетентностная модель менее воспроизводит социальное неравенство, чем модели, ориентированные на трансляцию фактологического содержания.

Вместе с тем важно отметить, что датская система не нейтральна психологически. Она транслирует специфическую либерально-демократическую идеологию, в рамках которой «критическое мышление» является ценностью, а не просто инструментом. [Исследование Литье \(DOI: 10.52289/hej10.109\)](https://doi.org/10.52289/hej10.109) показывает, что датские учителя при всей своей свободе стабилизируют канонический нарратив о датской исключительности через свои дидактические практики. Идеология здесь действует не через принуждение, а через педагогическую инерцию.

Что общего: слепые пятна обеих систем

Честный анализ не позволяет идеализировать датскую систему. Обе системы имеют идеологические слепые пятна, различающиеся по природе и механизму.

Датский «нордический исключительнизм»

Под либеральной оболочкой датских учебников скрыт скрытый национализм иного рода. [Клаус Хаас \(DOI: 10.18546/HERJ.15.2.02\)](#) анализирует канон 2009 года как «ренационализацию»: он был введён политиками, которые интерпретировали его как защиту «датскости» от исламской иммиграции и мультикультурного релятивизма. Три заявленные цели канона включали: «включить преподавание истории в противодействие последствиям нарастающего культурного и религиозного многообразия» — формулировка, обнажающая националистическую функцию инструмента.

Канон сильно смещён в сторону датской и европейской истории: 22 из 30 сюжетов — специфически датские. Из неевропейского мира в канон включены лишь Египет (Тутанхамон) и Колумб — с европейской точки зрения. Grundtvigianская традиция *folkelighed* (народности) — культурный фундамент датской идентичности — исторически функционировала как механизм включения и исключения: датчане, лютеранское христианство, общий язык определяли принадлежность.

«Колониальная афазия» и Холокост-нарратив

Студенты датских школ знают факты о работорговле и колониализме — и не могут их активировать в связном критическом нарративе. Канонический сюжет № 15 об «отмене работорговли» позиционирует Данию как морального лидера, замалчивая столетие торговли людьми. Генерал-губернатор Петер фон Шолтен, провозгласивший свободу порабощённых в Датской Западной Индии в 1848 году, — признанный герой учебников; лидер восстания генерал Буду — редко упоминается.

Холокост-нарратив работает аналогично. Дания конструирует себя как «спасительницу евреев» 1943 года: эвакуация 7 000 датских евреев в нейтральную Швецию — один из обязательных канонических сюжетов. Но [Литье \(DOI: 10.52289/hej10.109\)](#) показывает, что эта история «имплицитно утверждает, что датчане по своей природе более демократичны, чем другие европейские народы» — что является формой этнического самовозвышения, пусть и позитивно окрашенного. Из нарратива выпадают 499 датских евреев, всё же попавших в концентрационные лагеря, и депортация 21 беженца. Коллаборационизм 1940–1943 годов, хотя и обсуждается, нередко обрамляется как «прагматическая необходимость», а не как моральный выбор.

Структурный консерватизм и ограничения рынка учебников

Свободный рынок учебников имеет собственные структурные ограничения. Издательства конкурируют за внимание учителей и школ — что создаёт стимул к популярным нарративам, а не к радикально дискомфортным. Академический исследователь может написать о «колониальной афазии» — но популярный учебник будет избегать содержания, которое слишком сильно тревожит читателей и снижает продажи.

Ключевые различия: сводная таблица

Измерение	Россия	Дания
Архитектура контроля	Единый государственный учебник, обязательный для всех школ	Свободный рынок учебников, компетентностный стандарт без контентных предписаний
Кто автор нарратива	Государство через назначенных редакторов (Мединский — presidential assistant)	Конкурирующие издательства, независимые авторские коллективы, учителя
Цель образования	«Формирование российской гражданской идентичности и патриотизма»	«Историческое сознание как предпосылка для демократического участия»
Герои	Линейка от Рюрика до Путина; 18 хвалебных упоминаний Путина в учебнике	Харальд Синезубый, Маргарете I, Кристиан IV — с критическими оговорками
Самокритика	Управляемое признание с оправданием (ГУЛАГ → «организация труда», репрессии → «нарастание угрозы войны»)	Коллаборационизм 1940–1945 обсуждается, но «колониальная афазия» сохраняется
Войны	Россия — всегда жертва или освободительница; СВО = продолжение ВОВ	Честный счёт поражений; 1864 — национальная травма; Наполеоновские войны — «плохое решение»
Роль народа	Пассивный объект государственной политики (кроме ВОВ)	Активный агент: земледельцы, рабочие, суфражистки как движущие силы
Образ врага	Запад как экзистенциальная угроза цивилизации	Нет устойчивого образа врага; конфликты как исторические процессы
Трудные вопросы	Список «острых дискуссий» с predetermined answers	Открытые вопросы, контрфактические сценарии, ученик конструирует контрнарративы
Работа с источниками	Формально (рубрики «обсудите»), содержательно — нет	Kildearbejde с 3-го класса как системная компетенция
Альтернативные интерпретации	Отсутствуют содержательно; учебник призывает не доверять «альтернативным источникам»	Встроены в педагогику как норма
Психологический эффект	Выученная беспомощность, подчинение, страх внешнего мира	Автономия суждения, демократическая субъектность
Слепые пятна	Системные: всё, что противоречит государственной версии	Избирательные: колониализм, нордический исключительность, функция «спасителей»
Эволюция нарративов	«Эффект храповика» — каждый кризис ужесточает контроль	Постепенная деколонизация (добавление канонической точки о Гренландии в 2023 г.)
Учитель	Исполнитель; его поведение мониторится; депутаты наблюдают за уроками	Автономный профессионал; выбирает учебник и методику

Почему это важно: выводы

Образование «не для ребёнка, а для системы»

Российская система в нынешней форме откровенно и без смущения производит граждан для государства, а не граждан с государством. Это не скрытый мотив — это задекларированная цель: «формирование гражданской идентичности и патриотизма». Но если патриотизм понимается как безусловная лояльность нынешним правителям, а не как критическая любовь к стране и её людям, то образование становится инструментом политической воспроизводимости элиты, а не развития человека.

Историк Иван Курилла (д.и.н.) ещё в 2013 году назвал идею единого учебника «дорогой в никуда» — «устаревшим анахронизмом», способом государственного контроля. Этот анахронизм оказался востребован именно потому, что образование как инструмент производства лояльных граждан — исторически проверенный и политически эффективный механизм консолидации авторитарной власти.

Теория элит: кто решает, что войдёт в учебник

В России цепочка принятия решений прозрачна: президент даёт указание, назначенный редактор пишет, государственное издательство публикует, Минпросвещения утверждает приказом. Нарышкин С. Е. — глава Российского исторического общества и директор СВР — лично возглавляет организацию, связанную с изданием учебников. Историки, не согласные с официальной версией, исключаются из процесса: Пахалюк описывает, как его текст превратили в «патриотическую агитку» после редакторской правки.

В Дании элита тоже присутствует в процессе — но иначе. Канон 2009 года был введён по инициативе министра консерваторов и критикуется как националистический политический проект. Однако датская система не контролирует интерпретацию: учитель, получив 30 обязательных тем, свободен в выборе учебника, методики и угла зрения. Это не исключает элитного влияния, но создаёт структурные барьеры для монополии.

«Эффект храповика» в авторитарной системе

Историческая последовательность российской учебниковой политики демонстрирует характерный «эффект храповика»: либерализация 1990-х (свободный рынок учебников) → рецентрализация после 1999 года → ускорение после 2014 → обязательный единый учебник после 2022. Каждый политический кризис — вторжение в Грузию, аннексия Крыма, полномасштабное вторжение в Украину — использовался как повод для ужесточения контроля над историческим нарративом. Обратного движения не происходило ни разу.

Академический анализ Огоновской (DOI: 10.24158/fik.2025.5.26) описывает это как трёхфазный процесс: деидеологизация → рецентрализация → единый учебник как государственный инструмент. Сенина (2024, DOI: 10.24158/rep.2024.8.7) в академической статье открыто формулирует цель: учебник «противодействует деструктивным идеологиям, влияющим на мировоззрение молодёжи» в контексте «информационной войны России и Запада». Это откровенное признание функции учебника как оружия в информационной войне — но направленного внутрь, на собственных граждан.

Датская модель как доказательство возможности альтернативы

Датский опыт показывает, что государственное финансирование образования и государственный контроль над нарративом — не одно и то же. Государство может:

- Устанавливать компетентностные цели, а не контентные предписания
- Финансировать конкурирующих издателей, а не назначать единственного
- Определять список обязательных тем, но не обязательные интерпретации
- Создавать ресурсные центры (HistorieLab) для поддержки учителей, а не для контроля над ними

Это не идеальная система, как показано выше. Но это доказательство принципа: государство способно финансировать образование, не монополизировав смысл.

Что из этого следует для будущего

Если образование производит определённый тип субъектности — и это не метафора, а педагогически задокументированный факт, — то учебник истории является одним из ключевых механизмов политического воспроизводства общества. Российская система инвестирует в это воспроизводство максимально, создавая учебник, который учит бояться внешнего мира, не доверять альтернативным источникам и воспринимать власть как данность, а не как результат общественного договора.

Исследование [Андреева \(2021\)](#) фиксирует, что образовательный уровень сильно коррелирует с историческим интересом — это означает, что учебники воздействуют на разные сегменты населения по-разному. Те, у кого есть доступ к альтернативным источникам (университетское образование, интернет, международные контакты), могут частично компенсировать деформации официального нарратива. У тех, у кого нет такого доступа, учебник остаётся единственным авторитетным источником исторического знания.

Это означает, что система работает прежде всего там, где у людей наименьшие ресурсы для сопротивления — и именно поэтому она так важна для власти. Как точно сформулировал [Пахалюк](#): власть «заинтересована в порождении исторических иллюзий». Иллюзия, что история делается чиновниками и правителями, а не гражданами, — это не просто ошибочное знание. Это политическая программа.

История учит нас, что монополии на интерпретацию прошлого хрупки. Они рушатся вместе с политическими системами, их породившими. Советские учебники в 1991 году превратились в макулатуру за несколько месяцев. Вопрос не в том, рухнет ли нынешний российский нарратив — а в том, что останется от гражданского мышления у тех, кто воспитывался на его страницах. Датская система, при всех своих ограничениях, создаёт граждан, способных перестроиться. Российская — готовит их к тому, чтобы ждать следующего указания сверху.

Отчёт составлен на основе: [«Учебник Мединского» \(Википедия\)](#) · [Amnesty International, 01.09.2023](#) · [DW, 09.08.2023](#) · [«Проект», 2022](#) · [Le Monde, 2023](#) · [Jason Institute, 2025](#) · [МК, 28.01.2026](#) · [Haue, DOI: 10.17159/2223-0386/2018/n18a1](#) · [Haas, DOI: 10.18546/HERJ.15.2.02](#) · [Lytje, DOI: 10.52289/hej10.109](#) · [Blakkisrud, DOI: 10.1017/nps.2022.11](#) · [Ogonovskaya, DOI: 10.24158/fik.2025.5.26](#) · [Andreev, DOI: 10.1134/S1019331621020118](#) · [Fælles Mål 2019 \(Undervisningsministeriet\)](#) · [Army University Press, 2023](#) · [Radio Svoboda, 30.08.2023](#)